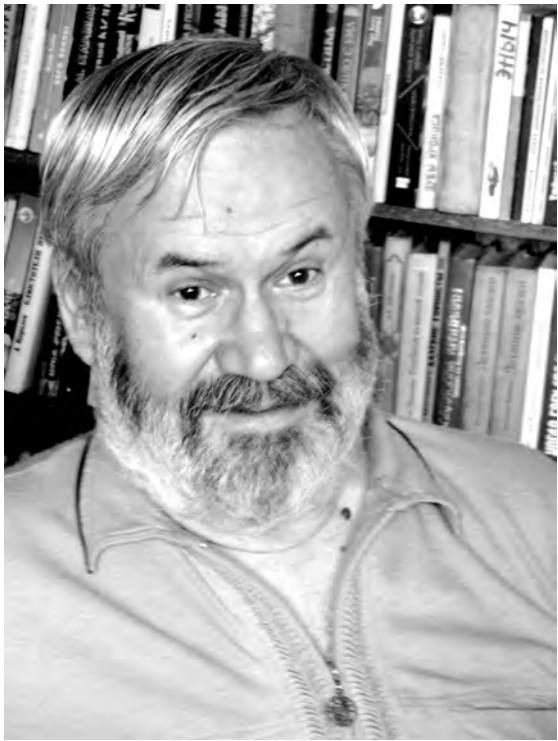

БВИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Миры Владимира

Он был знаком с писателями-фантастами Аркадием и Борисом Стругацкими, со Станиславом Лемом... Перевёл на русский язык сотни произведений иностранных авторов. Он стал одним из тех, кто в очередной раз доказал, что мир фантастики безграничен. А уж его мир, мир Владимира Борисова, не менее разнообразен. Убедиться в этом у читателей «Хакасии» уже была возможность. О создании городских клубов любителей фантастики «Гонгури», «Центавр», о писателе-фантасте и журналисте Григории Тарнаруцком речь уже шла в №№ 181 – 182, 186 – 187 соответственно от 23 и 30 сентября 2015 года. О Владимире Ивановиче как о библиографе, литературном критике, переводчике научной фантастики начали говорить в №№ 191 – 192 от 7 октября 2015 года. Сегодня — завершение разговора.

ФОТО АЛЕКСАНДРА ДВЕРОВИНА

ВОЛОДЯ БОРИСОВ ИЗ АБАКАНА

— Владимир Иванович, с братьями Стругацкими вы когда познакомились?

— В 1980-х годах. Забавные, очень интересные. Совершенно разные.

— А почему забавные?

— Я, когда первый раз к ним приехал, познакомился с Аркадием Натановичем. Тогда же не было интернета, найти фотографии с их изображением тоже проблема... Видел в книжке маленький снимок... Двое мужчин в очках. Чего-то в них еврейского немножечко. Думаю, такие маленькие... Приходим в гости... Со мной был Боря Завгородний, такой же фэн-критик, как и я, только волгоградский... Открывается дверь. Появляется перед нами двухметровый мужик. Такой вот широкий. В тапочках. Чуть ли не в пижаме. «Ой, ребятки, заходите!» А мы купили коньячку. Знали, что Аркадий Натанович любит. Достаем. Он: «Ни-ни-ни, ребята, это вы спрячьте... Это вы потом в гостиной за моё здоровье... Вы молодые... А я пока вас ждал, сходил, вот купил...» И достаёт точно такой же коньячок.

Аркадий Натанович был душа-парень. Нараспашку. Знакомиться любил. Энергичный. Зашла речь про издательство «Молодая гвардия», он: «Да эти!.. Да я их!» Дай ему шашку, щас бы всех порубил. Гусар такой. Мы же сейчас изучаем архивы, исследуем. К фантастам он был очень доброжелательный...

— А брат — полная противоположность?

— Не то, чтобы полная противоположность. Он всегда был такой... Я попал чуть позже в Питер. Но я сделал хитрый ход конём. Послал к дню рождения одного из братьев в виде подарка рукописный указатель имён собственных. Это мне потом помогло най-

ти общий язык с Борисом Натановичем. Получилось так, что мы ехали вместе с одного из семинаров. Он с каким-то своим знакомым сел в метро. И я сел. Ехали, получилось так, в одном вагоне. Причём не специально. Оказалось, мы живём рядышком. И вот его собеседник сошёл на одной из станций, он тут же меня заметил, повернулся. А меня ему, да, представляли на семинаре, но он наверняка не запомнил, кто я такой. В общем, поворачивается, и так это: «Ну задавайте ваши вопросы». Выработанное, многолетнее. А я говорю: «Борис Натанович, надо представиться. Я — Володя Борисов из Абакана. Вы, наверное, не помните, я вам присылал недавно рукописный указатель имён собственных...» «А-а-а, так вы Володя Борисов из Абакана!» А мы с ним уже переписывались. И всё. Лыдинки в голосе исчезли и прочее. Он, говорят, мало кого подпускал к себе. А тут всё нормально. Вышли из автобуса, дошли до его дома. Постояли, поговорили. И вот с того дня, всякий раз, когда я приезжал в Питер, мы общались у него в квартире.

А потом я вёл с ним онлайн-интервью на официальном сайте братьев Стругацких. Это интервью продолжалось 13 лет и побило все рекорды. Он ответил более чем на восемь тысяч вопросов.

— Благодаря вам.

— Что значит благодаря мне? Я редактор странички, координатор. Когда предложили отвечать на вопросы Борису Натановичу, он отказался. Сказал: «Если кто-нибудь другой согласится выкладывать в Интернет, пусть присылают вопросы, я буду отвечать...» Ему сказали про меня, он согласился. Так в 1998 году я стал ведущим. Последний ответ он прислал в ноябре 2012 года, за неделю или полторы до смерти. Он ответил, я же говорю, на восемь тысяч вопросов, а их было на по-

рядок больше. То есть десятки тысяч. Я убирал чисто хамские, антисемитские. Таких мало, но были. Многие вопросы просто повторялись. Спрашивали о том же, но другими словами. А он сразу предупредил: «Чтоб только без повторов...» Иногда я прокалывался. И он тогда писал: «Об этом я уже говорил. Ищите на страничке...» Но я старался, чтобы такое происходило как можно реже.

КАК ЭТО ПЕРЕВОДИТСЯ?

— Владимир Иванович, вы сказали, что Стругацкие были айсбергами на фоне остальных авторов. А что их отличало и отличает от других писателей-фантастов, на ваш взгляд?

— Прежде всего долговременная актуальность. То есть для того времени это было актуально и о наболевшем. Проходили годы, а их актуальность не терялась. Есть такая повесть «За миллиард лет до конца света» о том, как противостоять обстоятельствам, которые против тебя. Для меня она — духоподъемная. Когда мне очень тяжело, какая-нибудь депрессуха, я её читаю. Там на главного героя обрушивается Вселенная. Читаешь и понимаешь, что все твои беды и несчастья по сравнению с этим — полная фигня.

У Лема, я бы сказал, то же самое. Если Стругацкие писали об обществе, то Лем — о мире, о мироустройстве. У него были футурологические мощные данные. Причём он сам потом удивлялся. Писал, говорит, и думал, что это будет через тысячу лет. «Ну, может, через 650». Любил он вот так... «Но то, что я доживу до этого, такого никогда не ожидал!» К нему, говорят, иногда приходили люди и спрашивали, что он думает по поводу тех или иных событий. И он им отвечал: «Так вы почитайте мою книжку, которую я написал 20 лет назад. Там уже всё написано. Почему вы не хотите читать?»

Посчастливилось мне побывать у Лема в гостях в 1999 году. Меня эта встреча тоже поразила. Он пониже меня ростом. Ни холеры не слышал. У него был слуховой аппарат. Поэтому он выработал такую тактику общения: начинал говорить первым и до тех пор, пока ему не надоест. В конце «разговора» говорил: «Мне нужно уже таблетки принимать. Давайте попрощаемся...» Нет, я, конечно, пытался вклиниться в монолог. Даже опубликовал это как интервью.

И вот что примечательно. У меня сложилось такое впечатление... В компьютере можно посмотреть работу процессора. Вот эта программа занимает столько места, эта — столько, а главный процессор — на 89 процентов — обычно ничем не занят. Вот я на него смотрю, он со мной разговаривает, рассказывает что-то. А мне кажется, что у него вот тут вот (показывает на голову) шестерёнки работают. На беседу у него максимум процентов 5 уходит, а думает он о чём-то своём.

— Уже что-то пишет.

— Да. Человек в последние годы — а ему было 80 с лишним — выдавал статью частотой в два-три дня. Небольшую, типа колоночки. Для этой газеты на вопросы ответил, для того журнала про что-то написал.

Он уже не мог печатать сам — болели пальцы. Пусть надиктовывал секретарю, но здраво излагал свои мысли.

А сколько Лем сжёг своих рукописей! Он черновики не хранил, тут же уничтожал. Я много читал про его писательский метод. Он совсем не такой, как у Стругацких. Принципиально другой. Стругацкие долго переписывались, обсуждали тему, сюжет, примерно фабулу и прочее. Потом, когда всё становилось ясно, где-нибудь собирались. Быстро-быстро набрасывали план. Один садился за печатную машинку. Другой ходил рядом или лежал на диване. Кто-то произносит фразу... Если возражений нет, переносят на бумагу... Если есть, второй обязан не просто сказать: «Фигня это всё», а предложить свой вариант. Благодаря такой методе они писали быстро. Хотя, казалось бы, должно быть долго. Один-то сидишь и пишешь — никто не мешает. Но благодаря тому, что их двое, прекрасно удавались диалоги. Аркадий Натанович брал на себя один характер, его брат на себя — другой. Удавалась стилистика. Удавались языковые характеристики персонажей.

У Лема совсем всё по-другому. Он начинал писать, зная о чём лишь примерно. Примерно! Вот начал писать «Возвращение со звёзд»... Много лет космонавт летал... А что будет, когда он вернётся на Землю, не знал, садясь за

письменный стол. Не было никакого плана. И писал, говорил, примерно прикидывая развитие сюжета. Ясно, что что-то изменилось... «И вот, — говорит, — иду-иду. И где-то на сотой странице словечко придумываю: «бетризация». Что бы это могло быть? И вдруг до меня доходит: там убили в людях агрессию...». Придумал он это, и сразу стало понятно, что к чему, пошёл дальше.

А бывали случаи — обратные, когда ничего не придумывалось. Говорит, пишу-пишу и ни к чему не прихожу. Сто страниц? В топку... 200? В топку. 400 страниц? В топку! Человек совершенно не жалел своего труда.

— Могло ведь отлежаться. Потом бы мысль какая пришла.

— Могла бы. Но не работал он так. Другая особенность — меня поражало всегда — у него очень ярко выписаны ландшафты. Вот в книге «Солярис» описание планеты и её сооружений занимает несколько страниц. Яркие такие зрительные образы. Всё там такое красивое, вкусное. Впечатляет!

А он пишет: «У меня совершенно нет воображения. Я пишу, не представляя картинку...» Ему нужно было, чтобы одно слово подошло к другому. Чтобы они хорошенько сцепились между собой и получился текст, из которого всё вытекает.

Я одно время изучал его фантастические образы... Именно фантастические, а не реальные... Вот как они появляются? Слова вроде обычные, но что-то необычное получается. В каких-то необычных сочетаниях. Метафоричность. Какие-то новые качества. У меня это где-то даже выписано более подробно. Он играл со словами очень мощно, очень здорово. Обожаю сравнивать переводы.

— Его переводить сложно?

— Сложно. Переводить сложно. Читать сложно.

Когда я решил читать польски, купил книжку Лема «Ghos Papa». С польского дословно: «Глас Господа». Но у нас роман перевели, как «Голос неба». Я в то время уже читал на чешском, болгарском, украинском, белорусском... А новый польский — вообще, считал, почти русский. Что-то перед этим — рассказик или два — уже читал. Страницу прочитал — ничего не могу понять. И так меня заело. Польским, решил, теперь займусь серьёзно. Я ни на какие языковые курсы никогда не ходил, в школе и институте учил только английский и немецкий. А всё остальное осваивал сам. Порядка 20 языков. В основном из славянской группы. Из экзотических — японский, венгерский.

— А почему японский?

— Мне книжку подарили на японском языке. Интересно

Борисова

было узнать, что это такое. Японский, конечно, пришлось учить по учебнику. Хотя содержание книги — там был сборник советских рассказов — я определил, не имея понятия об иероглифах. Определил, кроме одного. Фамилия звучала — Фурадзимирофу. Как вы думаете, по-русски это как? Владимир. Собственное имя, ёлы-палы, не определил (смеётся).

Так вот, чтобы как-то решить проблему с польским языком, стал читать простенькую трешевую литературу. В таких случаях лучше всего брать переводную. На том языке, но переводную. Потому что переводчик, как бы он ни старался, не сможет передать всю глубину исходного языка. Даже Лема переводим, и всё равно упрощение какое-то идёт. А когда переводят детективы, триллеры, приключенческие романы, там особенно не стараются. Короче, накопил с десятков или два этих польских детективов. А там были и приличные авторы, типа Кристи, Сименона... И стал читать. Читается превосходно. Продираешься одну страничку-другую, находишь новые слова.

У поляков очень часто встречается «gz». «Rz» у них читается как «ж» или «ш». Но я-то вижу, что это «г». И когда вижу: «gzeka», понимаю, что это: «река». Я все славянские языки так и учил. И так через некоторое время начинаешь что-то понимать. Где-то просто догадываешься, что это может быть. Например, «они зашли в лифт и поднялись наверх». Все слова, кроме «лифт», ты знаешь, а раз поднялись — ясно, что какой-то подъёмник. Вероятнее всего, лифт. Раз встретилось слово, два — запомнил.

Так я прочитал всю эту кучу детективов и решил, что польский язык — вполне обычный. Взглянул за «Głós Pana». Опана, опять не идёт. Тут я пошёл в библиотеку. Открыл грамматику. Все эти спряжения, склонения... Добил-таки роман. И не зря. Я обнаружил, что вещи, которые писал Лем и которые переведены, — вообще иногда разные. Тот же «Солярис», например. Нет адекватного перевода.

— Как вам «Солярис» глазами Тарковского?

— Хороший фильм. Душевный. Когда Тарковского уже власти не любили у нас в стране, мы устраивали тайные просмотры «Соляриса» у себя, в клубе любителей фантастики.

Фильмы Тарковского хороши сами по себе, книги Стругацких — сами по себе. Они очень отличаются.

— Как и фильм Алексея Германа-старшего...

— «Трудно быть богом» я до сих пор не видел. Лежит у меня. Боюсь пока. И надо же времени

набраться — больше двух часов. Я давно уже спокойно отношусь к экранизациям. Дело в том, что... Как бы сказать... Я это кино уже видел... Когда книжку читал... У меня хорошее воображение. Там уже всё было. И «Трудно быть богом» — я уже думал, как бы снял сам. У Германа я читал сценарий. Знаю, что это будет совсем не то. Герман тоже сам по себе хорош.

«ХРОНОФАГАМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН»

— А это что у вас за рукописи лежат (обращая внимание на высокую стопку бумаги)?

— Здесь может быть что угодно. Систематика пауков.

— Да вы что!

— Я обожаю пауков. И систематику обожаю. И трилобитов.

— А почему?

— Как почему? Нравится. Здесь могут быть библиографические вещи. Распечатки книг. Что угодно. У меня ведь два основных вида деятельности: библиография и переводы. Не могу долго заниматься одним и тем же, поэтому в параллели несколько работ. Одно и то же быстро надоедает. У меня вон там лежит штук 50 новых книжек, которые требуется описать. Стругацкие и Лем на иностранных языках. Я их коллекционирую. У меня около двух тысяч книг на иностранных языках только этих авторов (а есть и другие). Что-то присылают, что-то покупаю. Вот из Осло, помоему. Это на португальском. Это ещё на сербохорватском. Раньше был общий язык — теперь их два.

Сейчас перевожу статью польского критика-литературоведа о символической таинственности в литературе. И параллельно рассказик одного болгарского писателя.

— И вы все эти книги перечитали?

— Практически все.

— А времени хватает?

— Времени не хватает. Время — главная ценность. У меня на работе висела бумага: «Хронофагам вход запрещён». «Хроно» — это «время», а «фаг» — «пожиратель».

Я при желании могу про каждую книжку что-то рассказать. Было время, когда некоторые товарищи проводили эксперимент в этой комнате. Завязывали мне глаза и предлагали найти нужную книжку (смеётся). Сколько бы ни проводили, я находил всегда. А книг, да, много. У меня на русском языке есть все издания Стругацких. За исключением, может быть, самых-самых последних. Раньше покупал исключительно для чтения, а сейчас просто коллекционирую. Вот книжка «Стажёры». Вроде бы одинаковая обложка, но три разных издания. Издавались в разные годы. Отличаются друг от друга цветом... Вот это мне совсем недавно удалось раздобыть. Вся пенсия на них уходит. Вы знаете, что свидетельствует об актуальности Стругацких? Их по-прежнему переиздают за границей.

— У вас не было желания перебраться в Москву?

— Нет. Не нравится мне что-то в Москве. Даже когда был помоложе... Меня всё устраивает в Абакане. Есть крыша над головой, работа и самое главное — желание заниматься любимым делом. На общий результат не влияет, где ты живёшь, в столице или в провинции.

Беседовал

Александр ДУБРОВИН

НАША СПРАВКА

Владимир Иванович БОРИСОВ

Родился в селе Бея 25 ноября 1951 года.

С детства увлёкся фантастикой. В 1980 году совместно с Григорием Тарнаруцким и Александром Бушковым организовал в Абакане клуб любителей фантастики «Гонгури», который просуществовал до 1984 года и был возрождён в 1996-м под названием «Массаракш». Детский клуб любителей фантастики «Центавр», созданный Борисовым в 1981 году, прекратил своё существование в 1990-м.

Вице-координатор группы «Людены», занимающейся исследованием творчества братьев Стругацких (сейчас готовится 30-томное собрание сочинений). Выступал как редактор-издатель ньюслеттеров «Понедельник», «Громозека», «Тарантога», «Tolkien News» и фэнзина «Проксима». Один из авторов первой отечественной «Энциклопедии фантастики» (1994), автор и составитель двухтомной энциклопедии «Миры братьев Стругацких» (1999). Лауреат премии Ивана Ефремова (2001).

Автор более 500 статей по фантастике. Занимается переводами с польского, английского, испанского, болгарского, немецкого, чешского.

Разработчик информационно-поисковой системы «Фантастика». Был редактором официального сайта братьев Стругацких. Один из авторов интернетовской «Экстелопедии фэнтези и научной фантастики».

Для знатоков фантастики он просто БВИ. Первые буквы фамилии, имени и отчества — это одно. Совершенно другое — намёк на «Большой Всепланетный Информаторий», прообраз Интернета в творчестве Стругацких.

<< 7 СТР.

«Важно, чтобы меня понимали»

В результате всё окончилось американской трагедией: Химейер, заварив себя в бульдозере, разрушил здание завода и ещё порядка десяти административных зданий и покончил жизнь самоубийством. Прежде, чем предпринять эти действия, он обращался в разные инстанции, но признался потом, когда с ним пытались вести переговоры, что «...без бульдозера и оружия меня никто не хотел слышать».

Да, была идея снять фильм в США, но чуть позже я прочёл новеллу Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас» со схожим сюжетом и понял, что это вечный мотив, и действие фильма следует перенести в современную Россию. Кроме того, эта ситуация универсальна не только в пространстве, но и во времени. Книга Иова — мы нашли параллели с ней, с древним библейским текстом, в котором тысячелетия назад сказано, что земля отдана во власть нечестивцам. Именно эта власть — морское чудовище, Левиафан, дьявол, другими словами, — испытывающая праведника Иова. Наш фильм — цепь интерпретаций, где звучит история библейского Иова, американца Химейера, русского мужика Николая Сергеева в их трагическом противостоянии с силой власти, уничтожающей человеческую природу и свободу.

Но, даже несмотря на универсальность, география тоже имеет значение. Признаюсь, в первых вариантах сценария мы были уверены, что наш Николай тоже сядет на трактор и своротит мэрию. Однако, когда ты искренне и честно смотришь на предмет, то понимаешь, что такой финал в России не будет соответствовать действительности. Я понимаю, что если бы мы посадили героя на бульдозер и разгромили город, зритель был бы удовлетворён и спокоен. Ведь зло якобы наказано и справедливость, пусть и кинематографической ценой, восторжествовала. Это такой трудный вдох длиною в фильм, и, в финале, облегчённый выдох. Только где же здесь правда?

...В фильме тихий и безутешный финал — это, по словам режиссёра, осмысленный приём, придуманный по ходу съёмки. Это такой высокий момент, когда сердце зрителя, кажется, рвётся, глядя, как мужчина, потерявший всё — дом, любимую женщину, сына, свободу, — плачет именно так — тихо и безутешно.

И ощущение тотальной, непостижимой и несправедливой безнадежности происходящего становится самым страшным приговором...

Не знаю, может, мне показалось, что этот трёхчасовой диалог, в ходе которого Андрей Звягинцев отвечал на самые разные, порой неудобные вопросы, изменил выражение лиц у большинства зрителей, пришедших на встречу.

Изменился и уровень восприятия. Многие не только слушали (мы ведь часто приходим именно для этого, послушать-посмотреть) — задумывались. А после — благодарили. Искренне.

...Спустя два часа после встречи перезвонила приятелю, из тех, кто «Левиафан» не смотрел, но осуждаю...». Видела его в зале, но подходить не стала.

Долго не отвечал на звонок. Потом зло проорал в трубку на предмет того, что «нечего тут всяким названивать без повода, когда понятно, что они хотят сказать!» Через два часа перезвонил сам: «Всё, что я слышал прежде про этот фильм, — такая лажа».

И положил трубку...

Елена АБУМОВА

Кадр из фильма «Левиафан»